

КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА

КНИГА II

КАК ПРЕДАТЬ
ГЕРОЯ

НИКОГДА
НЕ ТЕРЯЙ
НАДЕЖДУ!

КРЕССИДА КОУЭЛЛ

Как приручить дракона

Крессида Коуэлл
Как предать Героя

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44

Коуэлл К.

Как предать Героя / К. Коуэлл — «Азбука-Аттикус»,
2013 — (Как приручить дракона)

ISBN 978-5-389-21775-1

Драконы берут верх в войне с викингами. Спасти людей может только появление нового Короля, которому Стражи запретного острова Завтра откроют тайну Драконьего Камня. А для этого надо принести им все десять Утраченных Королевских Сокровищ и сделать это не позже чем в Канун Солнцеворота. У Иккинга Кровожадного Карасика III и его друзей остались считанные дни, чтобы вернуть Сокровища, украденные Элвином Вероломным, иначе драконы исчезнут навсегда...

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21775-1

© Коуэлл К., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Пролог, написанный Иккингем Кровожадным Карасиком III, последним из великих героев-викингов	16
1. Мама не велела покидать нору	19
2. Нам просто интересно, на чьей он стороне	31
3. План идет наперекосяк	46
4. Глаза в пустоте	55
5. Укус вампира-ищейки	61
6. Другая сторона истории	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Крессида Коуэлл

Как предать Героя

повесть

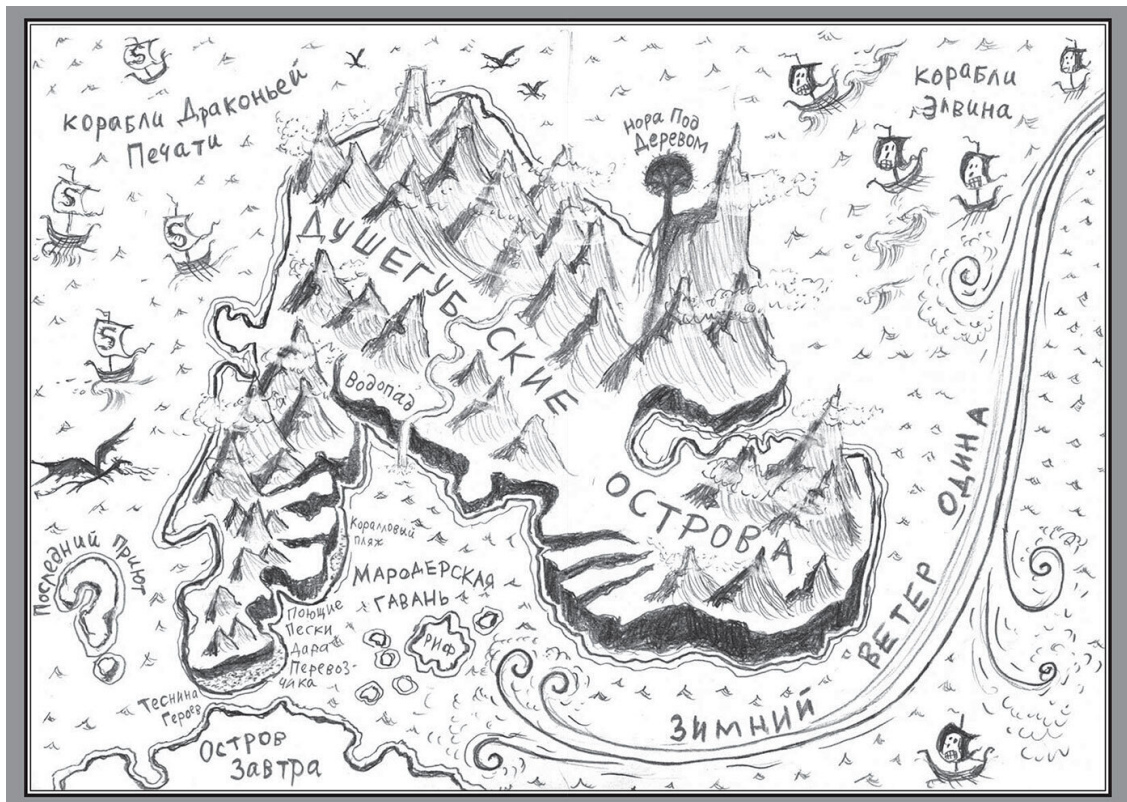
Cressida Cowell
HOW TO BETRAY A DRAGON'S HERO

Text and illustrations copyright © 2013 by Cressida Cowell
All rights reserved
Originally published in Great Britain in 2013 by Hodder Children's Books

© 2013 by Cressida Cowell All rights reserved Originally published in Great Britain in 2013
by Hodder Children's Books

© А. А. Кузнецова, перевод, 2016
© Издание на русском языке, оформление

***

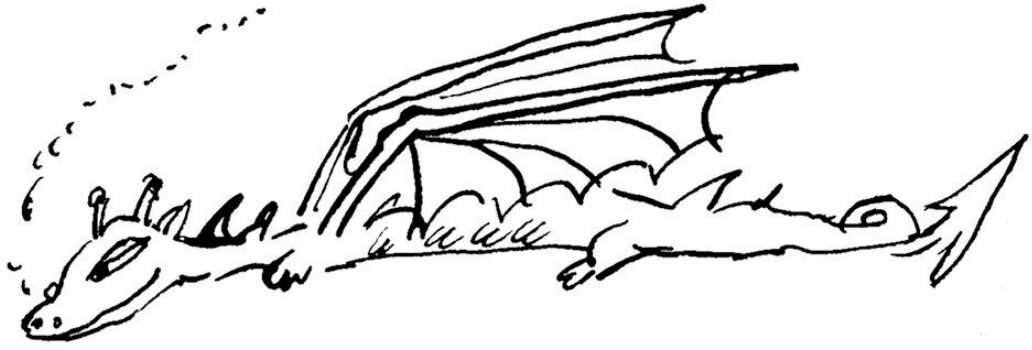

Совершенно необязательно читать книги Иккинга по порядку. Но если вам очень хочется, то порядок такой:

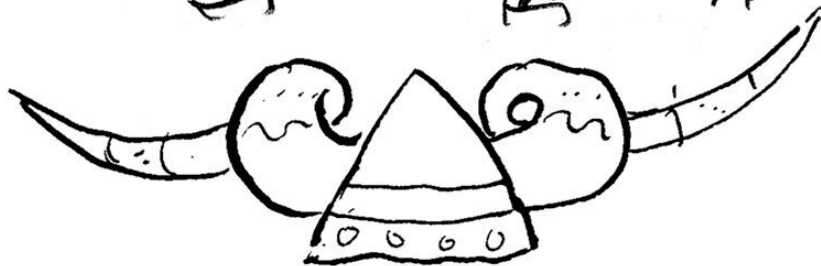
1. Как приручить дракона
2. Как стать пиратом
3. Как разговаривать по-драконьи
4. Как перехитрить дракона
5. Как разбудить дракона
6. Как одолеть дракона
7. Как разозлить дракона
8. Как освободить дракона
9. Как украсть Драконий меч
10. Как отыскать Драконий камень
11. Как предать Героя
12. Как спасти драконов

ВНИМАНИЕ!

Если вам вдруг покажется,
будто события этой книги
имеют какое-то отношение
к реальным историческим
фактам, имейте в виду — это
ЧИСТАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ.

МЫ ВАС
ПРЕДУПРЕДИЛИ!

Саймону Коузину, Эки Макнил,
Наоми Поттесмен, Дженифер Стивенсон,
Джудит Комер — за всю помощь
в создании этой книги

Проклятый остров Завтра

Мы еще не видели Завтра. Мы еще не осмелились вторгнуться в его пределы.

Некогда на острове Завтра процветал город. На башнях ста прекрасных замков гордо реяли флаги Дикозапада. Город держался на рабстве людей и драконов, но это не мешало ему быть красивым и величественным, как и многим другим городам рабовладельцев прежде и после него.

Однако сто лет назад Чернобород Оголтелый, Последний Король Дикозапада, совершил поистине ужасное злодеяние.

Сын Черноборода, Иккинг Кровожадный Карасик II, вместе со своим побратимом, драконом Ярогневом, возглавил мирное драконье воззвание – он хотел уговорить отца покончить с рабством. Чернобород по ошибке принял воззвание за восстание. Он убил сына своим мечом, Лезвием Бури, обагрив кровью Трон.

Вот так на Трон и остров Завтра пало Проклятие. Полчища драконов, собравшиеся только для того, чтобы мирно выразить свое несогласие, разрушили город. Сотня прекрасных замков сгорела дотла, но Ярогнева схватили и сковали неразрывными цепями в глубинах лесной тюрьмы.

Чернобород Оголтелый горько раскаялся в содеянном. Он поклялся, что лишь по-настоящему хороший человек, лучше его самого, сможет стать новым Королем Дикозапада, а до тех пор Трон не достанется никому. И придумал Чернобород Оголтелый Невыполнимую Задачу.

Он запрятал Десять Королевских Сокровищ в самых далеких и тайных уголках архипелага и поставил сторожить их самых ужасных чудовищ и драконов. Только настоящий Герой сможет собрать Сокровища, снять Проклятие и стать новым Королем Дикозапада.

И если когда-нибудь появится Герой столь великий, что ему по силам окажется добыть все Десять Утраченных Сокровищ, только тогда его можно будет короновать. Однако принять корону Дикозапада он сможет лишь на двенадцатый день Зимнего Солнцеворота, который зовется еще Светопреставлением Солнцеворота (и недаром), и лишь на острове Завтра, на обломках Трона, где умер сын Черноборода.

Тем временем Чернобород назначил воинов из числа людей и драконов Стражами разрушенной островной крепости Завтра. Избранные были невообразимо страшны и ужасны. Все они поклялись убить на месте любого, кто проникнет в крепость.

А сейчас архипелаг нуждается в Короле больше, чем когда-либо прежде, ибо дракон Ярогнев вырвался из лесной тюрьмы, куда некогда заточил его Чернобород Оголтелый, и несет собственное Проклятие людям. Он возненавидел род людской и намерен истребить его под корень.

И Ярогнев берет верх. Север Варварского архипелага в огне. Из страха перед драконом люди вынуждены были уйти в подземные убежища.

Ничто не может остановить Ярогнева. Ничто, кроме нового Короля, ибо новый Король постигнет тайну Десятого Утраченного Сокровища, драгоценного Драконьего Камня, обладающего властью уничтожить драконов навеки.

Раз в году наступает время, когда претенденту на Трон дозволено ступить на землю острова Завтра – утром в один из Двенадцати Дней Зимнего Солнцеворота.

Сейчас середина зимы и утро девятого дня Солнцеворота.

И вот через пролив под названием Теснина Героев к большой земле Душегубских гор плывет одинокая лодка. Лодкой правит человек огромного роста – Перевозчик.

Перевозчик – один из Друидов-Стражей острова Завтра. Глаза у него завязаны, и он не может снять повязку, пока не будет коронован новый Король Дикозапада. Повязка символизирует его роль беспристрастного и неподкупного Судьи, безграничную преданность долгу Друида-Стража. Однако шестое чувство подсказывает ему, что на берегу его ждет некто, окруженный небольшой кучкой последователей. Это СТР Страхолюд. В сердце Перевозчика вспыхивает надежда.

Наконец... в последний миг... Герой пришел, чтобы предъявить права на Королевство! Ибо Друид-Страж боится, что еще немного – и Ярогнев истребит весь род людской.

Друид-Страж заставляет лодку плавно скользнуть на Поющие Пески берега, который зовется Дар Перевозчика, и, широко раскинув руки, произносит нараспев, как делали его отец, и отец его отца, и отец отца его отца год за годом до него:

– О Будущий Король или Королева, ступи же навстречу Завтра, если посмеешь! Только тот, кто собрал Утраченные Королевские Сокровища, может принять корону и остаться в живых...

Он поворачивается к СТРу Страхолюду и вопрошает со всей серьезностью:

– Ты ли Будущий Король?

– Я, – отвечает СТР.

– Избран ли ты всеми племенами архипелага, чтобы править? – спрашивает Друид-Страж.

СТР кивает.

– Привез ли ты дар для Перевозчика? – спрашивает Друид-Страж.

– Привез, – отвечает СТР Страхолюд.

Торжественно, но не в силах скрыть надежду, Перевозчик произносит:

– Тогда покажи мне Сокровища.

СТР Страхолюд шелкает пальцами своим присным, и они одно за другим выносят вперед Сокровища.

Это беззубый дракон, второй лучший Чернобородов меч, римский щит, стрела из небытовой страны, рубин в форме сердца, тикалка, ключ, Трон, корона и Драконий Камень.

Приспешники СТРа Страхолюда раскладывают их на песке перед Друидом-Стражем и отступают. Друид-Страж выходит вперед, чтобы осмотреть Сокровища.

Долго-долго перебирает он их, ощупывая каждое длинными чуткими пальцами, стараясь почувствовать каждый предмет со всех сторон, дабы убедиться в его подлинности.

А затем отходит на шаг и мрачно объявляет:

– Эти все – ПОДДЕЛКИ. Особенно отвратительна подделка беззубого дракона – жестоко так поступать с беззащитной тварью. Мы дадим ему приют на острове Завтра.

(СТР Страхолюд вырвал все зубы бедному маленькому дракону-бегунчику, чтобы выдать его за настоящего беззубого дракона из Пророчества.)

СТР Страхолюд побелел, как овечье руно.

– Что до ТЕБЯ, СТР Страхолюд, – продолжает Друид-Страж, – узнай же: тот, кто посмел приблизиться к Завтра с даром неприемлемым, умирает быстрой и ужасной смертью вместе со своими присными. ВОССТАНЬТЕ ЖЕ, СТРАЖИ-ЗАЩИТНИКИ ЗАВТРА! ВОССТАНЬТЕ И ИСПОЛНИТЕ СВОЙ ДОЛГ!

Песок вокруг СТРа Страхолюда и его приспешников вскипает, и земля рождает тварей невообразимо ужасных, громадных и страшных, вопящих об отмщении. Они так быстры, что никому не успеть не то что защититься – даже шелохнуться или вскрикнуть. СТР Страхолюд и его люди не успевают даже взглянуть, кто это – драконы или кто похуже.

Твари хватают СТРа Страхолюда и его спутников, взмывают вверх и вверх, высоко в небо, все выше и выше, уносят орущих и извивающихся жертв за облака, в перехватывающий дыхание ледяной холод и пламя верхних слоев атмосферы, и эти люди перестают быть. Они вернуться на землю только пеплом и багровым дождем.

Такова месть Стражей Завтра тем, кто осмелится ступить на их берега без истинных Сокровищ.

Друид-Страж вздыхает и ласково гладит по голове бедного беззубого бегунчика, тихо уверяя его, что все будет хорошо. Он бормочет про себя:

– Еще два дня... Всего два дня у Героя, чтобы явиться и спасти нас всех.

Страж устало забирается обратно в лодочку. На самом деле он и не ждал, что придет настоящий Герой. Да и с чего бы? Этот ритуал совершается каждый год вот уже девяносто девять лет подряд, но являлись только недостойные. Старик начинает грести обратно к Завтра.

Он будет выкликать Героя, чтобы тот пришел и заявил права на корону, еще два дня. Если Герой не явится на одиннадцатый день, в Канун Солнцеворота, будет слишком поздно. Правила, установленные Чернобородом сто лет назад, непреложны. Границы Завтра замкнутся снова до следующего года.

А на следующий год будет и правда ПОЗДНО. К тому времени Ярогнев станет слишком силен. Этот год – их единственный шанс.

Герой должен прийти и заявить права на Трон, со всеми Утраченными Сокровищами, на одиннадцатый день Солнцеворота...

...или все потеряно.

Пролог, написанный Иккингом Кровожадным Карасиком III, последним из великих героев-викингов

Все события последних двух книг моих воспоминаний уместились в сорок восемь часов, последние два дня Солнцеворота. В ту пору мне было четырнадцать лет. Предупреждаю, эти главы самые мрачные и страшные, их было труднее всего писать. Ибо тогда мне пришлось иметь дело и со Стражами-Защитниками Завтра, исполняющими волю Черноборода Оголтелого, и с истинной мощью и злобой дракона Ярогнева.

В то время драконы оказались на грани исчезновения.

В начале этой книги архипелаг охвачен войной. Драконы и люди пытаются уничтожить друг друга, а за мной охотятся и ужасные Мятежные драконы, и ведьма с Элвином Вероломным.

Я оглядываюсь на того бледного, тощего четырнадцатилетнего мальчика, каким я был тогда, и безумно тревожусь за него. Ведь он еще не знает, что ему грозит. Он живет в этой жуткой войне, он уже видел смерть, но ему пока не доводилось терять тех, кого любит. Он начинает понимать, что значит нести бремя вины и ответственности, которое всегда ложится на плечи вождя. Но он еще не принял это бремя как свою судьбу и предназначение.

Сумеет ли он в конце концов спасти драконов?

Мне отчаянно хочется ему помочь.

Я тянусь к нему через бездну пространства, звезд и времени, чтобы взять его за руку и помочь пройти через все это. Но Прошлое – страна столь далекая, что, как бы я ни кричал, он меня не услышит.

Теперь я древний-предревный старик, я оглядываюсь на прожитую жизнь и вижу, что тьма в те времена пала на землю не зря.

Великие дела совершаются лишь из любви и боли.

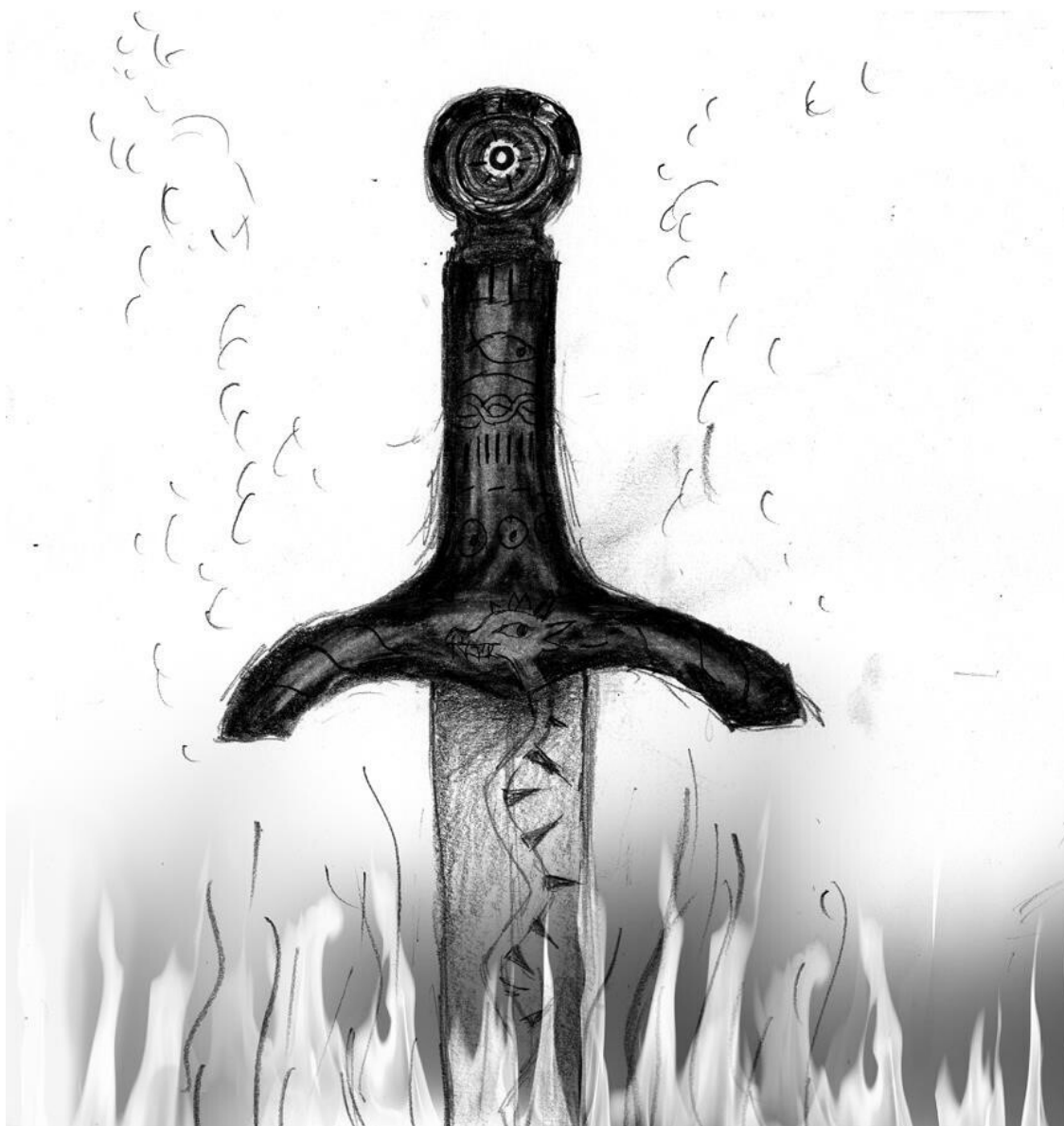
Великий меч куют из самой лучшей стали. Но по-настоящему великим делает меч то, что происходит с ним потом.

Мы зовем это закалкой меча.

Меч колотят, бьют и выстукивают сверкающим молотом, придавая клинку форму. Его погружают в яростный жар горна, где он размягчается, и тут же окунают в ледяную воду, где он снова затвердевает. Чем горячее, чем яростнее пламя, тем крепче и лучше становится в скором времени меч.

И после этой мучительной закалки клинок либо становится прочным и совершенным, либо ломается.

То же происходит и при Становлении Героя.

1. Мама не велела покидать нору

В Душегубских горах стояла зябкая и туманная ночь.

Отличная ночь для предательства.

В эти мрачные времена войны люди старались не соваться в леса на склонах Душегубских гор. Стоило Мятажным драконам уловить хоть малейший намек на человеческое шевеление среди обугленных деревьев на мглистых горных перевалах, они обрушивались на несчастных и убивали.

Но где-то в глубине леса, вдали от любой помощи, исполненный ужаса человеческий голос орал: «Помогите! Помогите! Помогите!» – и крохотный отряд храбрых, но глупых людей и драконов спешил ему на выручку.

Иккинг Кровожадный Карасик III сидел на спине Смертеня, летевшего низко-низко над верхушками деревьев. Драконы крылья медленно взмывали и опускались, порой задевая обугленные верхние сучья.

Смертени – хамелеоны, и потому красивый трехглавый дракон сливался с ночным небом и по его сияющим бокам проплывали звезды.

Колени у Иккинга дрожали от усталости – слишком много времени он провел в седле.

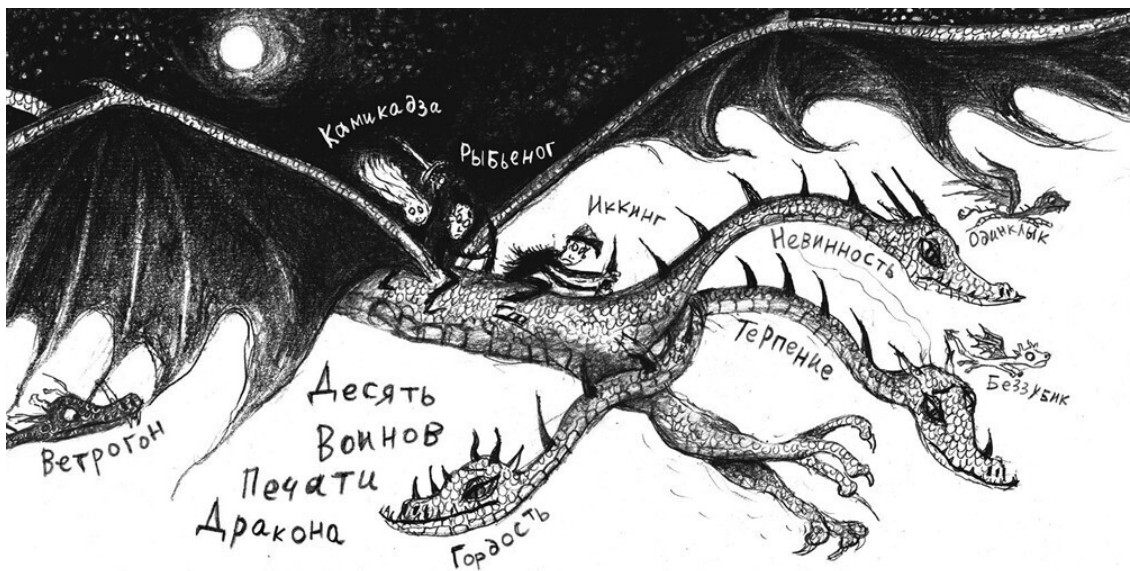
Для человека, которого с недобрыми намерениями разыскивает столько народу, Иккинг выглядел на удивление непримечательно.

Оборванный долговязый подросток в огнеупорном костюме, от которого остались одни лохмотья, лицо в синяках и ссадинах, волосы дыбом, а в глазах застыл страх человека, уставшего быть в бегах. Война и изгнание превратили его в пугало.

Он стискивал в руке меч, в ушах звенело от пронизывающего холода и кусачего ветра. Иккинг вглядывался через крыло Смертеня в обугленную пустыню далеко внизу, и сердце у него колотилось.

«Помогите! Помогите! Помогите!» – вопил голос, и уже виднелся в глубине лесов крохотный мерцающий огонек костра, то вспыхивающий, то пропадающий, словно светлячок или мерцание их собственного любопытства.

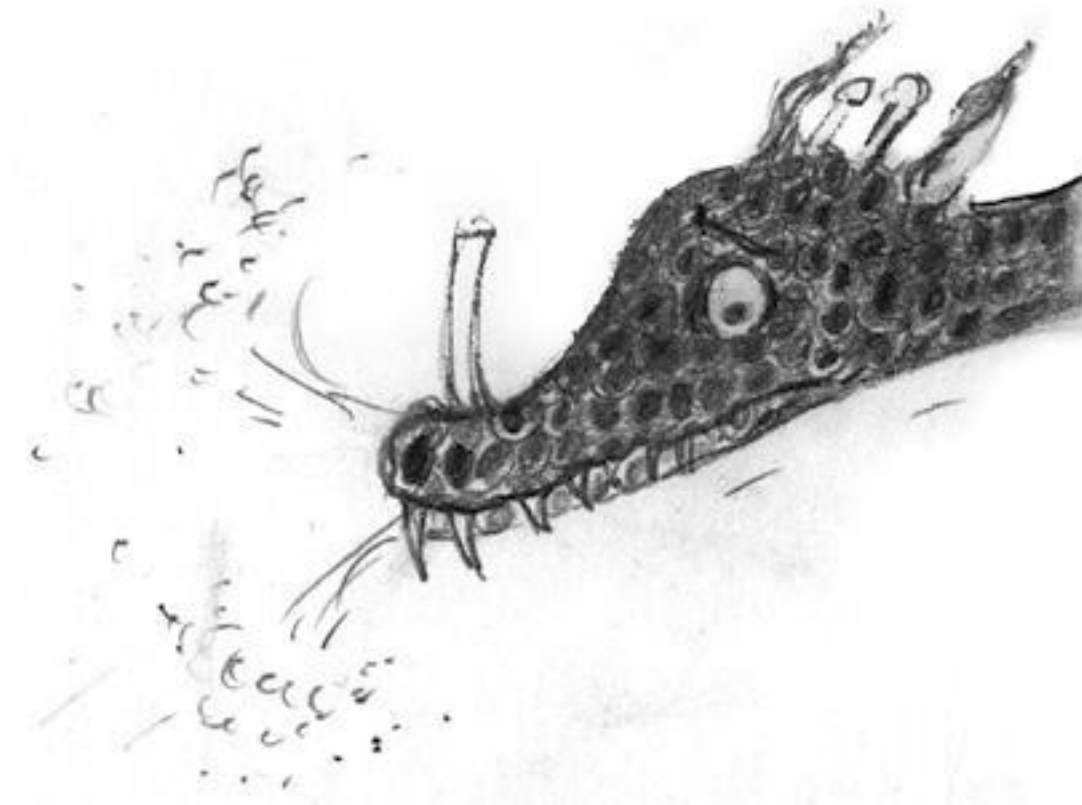
Нетрудно понять, почему Иккинг так тревожился. Эта обугленная, сожранная огнем территория принадлежала дракону Ярогневу и Драконьему восстанию. А Ярогнев больше всего на свете хотел поймать Иккинга. Дракон торжественно поклялся обратить в пепел весь мир, лишь бы найти его, поклялся, что не останется ни скалы, ни острова, ни пещеры, ни утеса, где этот мальчишка сможет укрыться от возмездия. И вот Смертень летел над тем, во что превратился мир из-за безумной охоты Ярогнева: под ними простиралась оплавленная, искаленная земля, изломанные трупы деревьев, закопченные останки разбитых скал.

– Ох, ради Тора, – шептал лучший друг Иккинга, Рыбьенег, сидевший за спиной у него на Смертене.

Рыбьенег был еще более тощим и потрепанным, чем Иккинг, хотя казалось бы, дальше некуда. На кончике носа у него болтались разбитые очки – того и гляди свалятся.

– Мятежные драконы разорвут нас в клочья! Твоя мама велела НИ ПОД КАКИМ ВИДОМ НЕ ПОКИДАТЬ НОРУ, – протестовал Рыбьенег. – Нам просто надо просидеть там еще два дня, до Кануна Солнцеворота, а потом встретиться с остальными сторонниками Драконьей Печати на Поющих Песках Дара Перевозчика. Вот и ВСЁ. Об остальном твоя мама обещала позаботиться сама...

– Но что, если это кто-то из наших там, в лесу, один-одинешенек? – возражал Иккинг.

– Ты прав, – соглашался Рыбьенег, дрожащей рукой покрепче стискивая меч. – Я знаю, что ты прав... просто очень уж страшно...

Иккинг и двое его друзей-людей были белые, как муравьиные яйца. Они уже месяц не видели солнца и сегодня впервые вылезли наружу. А до этого только их драконы по очереди выбирались из укрытия за едой и дровами. Но теперь Десять Воинов Драконьей Печати выползли из безопасного убежища, заслышав вдалеке перепуганный человеческий голос.

Чем ближе они подлетали в скудном свете, тем отчетливее слышался отчаянный призыв. И невозможно было не откликнуться на звучащий в нем страх. Что должно происходить с человеком, чтобы он так орал?

Когда человек зовет человека, этот крик не пропустишь мимо ушей.

Иккинг сглотнул и глянул вниз на проплывающие под ним деревья. Некогда этот лес жил и дышал. Теперь его сковала смертная неподвижность, сожженная и обугленная, уничтоженная в горниле драконьего гнева.

Третьим седоком на спине Смертеня была мелкая вертлявая девчонка из племени Бой-баб. Звали ее Камикадза. Волосы у девчонки выглядели так, словно на ее макушке всю ночь веселилось семейство бешеных белок.

– Да ну, Рыбьенег, – весело шепнула Камикадза. – Ты же знаешь, мы должны это сделать. Кроме того, я лично не прочь поразмяться. Мы слишком долго торчали в этой Норе.

Честно говоря, Камикадзе уже настолько надоело сидеть под землей, что предложи Иккинг вручную отполировать Ярогневу задние когти, она и то подписалась бы.

– Поразмяться?! – взвился Рыбьенег. – Поразмяться? Это тебе не викингская гимнастика «Будь в форме» для девочек!

Три маленьких охотничьих дракона летели, держась строго над Смертенем. Двое из них были драконы Иккинга: очень старый, Одиноклык, с рваными и мятыми крыльями, и очень юный, Беззубик, самый мелкий и капризный охотничий дракон в архипелаге. Третья, золотая нравная драконица по имени Буримуха, принадлежала Камикадзе.

Еще с ними был ездовой дракон Ветрогон – длиннолапый, неказистый и ласковый. Он вилял лохматым хвостом, с надеждой ожидая, пока все остальные решат, что делать.

– **Ле-летим домой...** – хныкал Беззубик по-драконьи.

Среди людей только Иккинг понимал драконье наречие, на котором общаются между собой драконы, поскольку единственный из викингов потрудились изучить его.

Громадные нефритовые глаза Беззубика так и лезли из орбит от ужаса. Ему не было особого дела до чужих людей, сколько бы они ни звали на помощь. Он просто хотел домой, но стеснялся признавать это перед Буримухой. Беззубик был равнодушен к прекрасной драконице и в ее обществе изо всех сил строил из себя большого и храброго.

– Тут с-с-слишком зя-зябо... – плакал Беззубик.

Дракончик заикался, а сейчас вдобавок сильно дрожал, отчего заикался еще сильнее.

– А разве я не говорил тебе надеть шубку, Беззубик? – возразил Иккинг. – Говорил, и не раз! Но ты сказал, ах нет, тебе будет жарко...

– Шубки – это для не-неженков... – возразил Беззубик. – На самом деле Б'бе-беззубику все-таки не-не х-холодно... Б'бе-беззубику очень те-те-тепло... Может, даже че-чересч'чур... Б'бе-беззубику надо обратно в укрытие, чтобы не-немного остыть...

Разгоряченный Беззубик аж посинел от холода.

– Это не потому что Б'бе-беззубик боится Мя-мятежных д'драконов, – пропыхтел дракончик. – Нет-нет-НЕТ. Б'бе-беззубик может сразиться с Драконьим восстанием, даж-же если ему одно к-крыльшко за спиной привяжут! Да, Буримуха! – похвалялся он. – Правда же, Одиноклык? И Б'бе-беззубик однажды так уку-кусил Ярогнева

за поп-пу, что тот аж плакал... Но Б'бе-беззубик немного пе-перегрелся, и крылышки у него че-чего-то не того... СМОТРИТЕ... – Беззубик вытянул одно крылышко, повесив кончик. – Бяк-бяк, бяк-бяк... – проворковал он тоном нежного самоутешения.

– Да у меня у самой в горле першит, – прошелестела Буримуха, хлопая ресницами. Она говорила на древненорвежском, языке викингов, ибо была одной из очень редких драконов, способных разговаривать по-человечески. – Может, нам лучше вернуться и немного полежать... Или давайте я слетаю и принесу Беззубику шубку... По-моему, она тебе очень идет, Беззубик.

– **Ой, правда?** – Беззубик срочно переменял мнение насчет одежды.

– Ерунда, – нахмурилась Камикадза. – Свежий ночной воздух пойдет вам обоим на пользу. В твоём случае, Буримуха, это, скорее всего, несварение. Нечего было глотать белку целиком.

– **НЕСВАРЕНИЕ?!** – в ярости пропыхтела Буримуха.

Ее красивое змеистое тельце сделалось лиловым (такой цвет оно обретало, когда хозяйка вралась). Но чем больше она сердилась, тем темнее становилось черное облако, расплывшееся от ее сердца, словно капля чернил в воде.

– **НЕСВАРЕНИЕ?** Я художник, свободный дух... я лечу туда, куда несет меня ветер... У свободных духов не бывает *несварения*...

– **Все-таки я должен предупредить, что это может быть ловушка, которую Элвин и его люди устроили специально для вас,** – еле слышно прошептал Одиноклык Иккингу.

Одиноклык был сморщенный, как изюм, бурый, как осенний лист, а в целом походил на дряхлую, мятую маленькую таксу. В эту минуту уши у него полиловели и дрожали, как всегда при близкой **ОПАСНОСТИ**.

– Послушай моего тысячелетнего опыта, Иккинг. Этот свет ведет себя очень странно для костра. Я никогда не видел, чтобы костер двигался... ни разу за тысячу лет.

Одинклык был прав.

Костер медленно-медленно полз вниз по долине. Порой его полностью заслонял густой подвижный туман или густые ветви. Но затем он снова возникал, мерцая чуть дальше.

Движущийся костер?

Но это же невозможно!

Человеческий голос умолк. Почему-то это пугало еще больше. Неужели его обладателя вынюхали и проглотили ужасы, таившиеся в этом неподвижном, изрезанном шрамами ландшафте?

Смерть и остальные нагоняли огонек. Тот становился все больше, ярче и сильнее, и Иккинг уже уловил отчетливый запах дыма.

Теперь они следовали за руслом реки. Она вилась, словно зловещая спящая змея по ущелью.

Река обогнула утес, и они увидели его...

Костер пылал на ледяном островке, который быстро несло течением по стремнине.

На льдине ничком лежал человек, прикованный к спящему верховому дракону, сплошь покрытому шрамами и следами бича.

Иккинг сразу понял, почему этот человек так орал. По берегам, среди деревьев стремительно скользили темные силуэты гигантской стаи волкозубов. Должно быть, путник разбил лагерь на замерзшем озере в верховьях реки, а лед ночью треснул и понес маленький плот вниз по течению, где его запах привлек волкозубов. Хвала Тору, волкозубы не присоединились к восстанию, остались сами по себе. Они были бескрылые, но все равно закоренелые убийцы.

Некоторые уже попрыгали в воду и молча пытались взобраться на плот, вывалив языки, а человек отчаянно спихивал их обратно мечом.

Что ж, это объясняло, почему он звал на помощь.

Но почему он перестал?

И почему эти волкозубы, карабкающиеся на ледяной плот, преследуют свою жертву без единого звука?

Ох, Тор нас убереги...

Человек замолчал, потому что на ночь вдоль берегов реки расположился Кое-Кто Еще. Очень много Кое-Кого Еще дрыхло там, и они были куда страшнее волкозубов.

С легким ужасом Иккинг вдруг понял, что ползатонувшие стволы в камышах на отмелях – вовсе не стволы.

Это были бритвокрылы и вертокруты, мозгоеды и лютозавры, самые жуткие из участвовавших в восстании драконов.

И их там собралось немало.

Вдоль берегов реки, насколько хватало глаз, неподвижно лежали Мятежные драконы.

Повсюду вокруг на мелководье спали хищные и могучие, как пантеры, драконы, остужая свои раскаленные тела в ледяных струях реки. Вода омывала их чешуйчатые бока, и над рекой витал тошнотворный сернистый парок желто-зеленого цвета.

Один громадный лютозавр во сне глодал ободранный ствол гигантского дерева, жестоко вырванного из земли. Бедные нежные корни непристойно торчали во все стороны. Другой, мозгоед, обнимал жалкие окровавленные лохмотья, оставшиеся от человеческого плаща, и Иккинг

всей душой уповал лишь на то, что в прошлом этот плащ не принадлежал какому-нибудь воину Драконьей Печати.

Темные зловещие силуэты источали злобу и страх.

Иккинг направил Смертенья вниз, стремясь нагнать перепуганного человека на стремительно уносящемся вниз по реке ледяном плоту.

Три пары человеческих и семь пар драконьих глаз шурились в туман, в надежде разглядеть беднягу, распластавшегося ничком на движущемся островке льда и колотившего по мордам волкозубов. Те не оставляли попыток залезть на плотик и утащить человека с собой.

Это был мужчина. Юноша.

Молодой викинг, уже утративший надежду на спасение. Это читалось по его побежденному, перепуганному лицу – он приготовился к смерти.

Иккинг потрясенно ахнул, когда узнал его.

Это был Сморкала.

2. Нам просто интересно, на чьей он стороне

От потрясения Иккинг задохнулся, словно кто-то ударил его в живот. Сморкала приходился ему двоюродным братом, и они враждовали с самого рождения Иккинга.

Последний раз они видели Сморкалу на поле боя в Янтарных Рабовладениях. Тогда Сморкала пытался решить, на чьей он стороне – их или Элвина с ведьмой. Так кого же он выбрал?

Похоже, Камикадза и Рыбьеног считали, что уже знают ответ на этот вопрос.

– Возвращаемся в укрытие, – с отвращением прошептала Камикадза.

Рыбьеног вздохнул:

– Боюсь, я согласен.

– Погодите секунду! – шепотом воскликнул Иккинг. – Мы не можем просто ОТПРАВИТЬСЯ ДОМОЙ и оставить Сморкалу здесь!

Рыбьеног смотрел на друга запавшими глазами человека, который слишком долго скрывался от Драконьего восстания:

– Иккинг, я не думаю, что Сморкала выбрал Драконью Печать. Он лживый, двуличный, вероломный разбойник. Он предавал тебя столько раз, что я со счета сбился, и он почти наверняка работает на Элвина.

– Люди меняются! – возразил Иккинг, глаза его вспыхнули воодушевлением. – Надо верить в людей, и тогда они, может быть, сумеют измениться!

Рыбьеног стал загибать пальцы:

– Давай посмотрим. Он пытался убить тебя на уроке Боя На Мечах В Море. Он пытался убить тебя, когда мы застряли на Истории. Он бросил камень, открыв всем твоё Клеймо в школе «Гром и молния»... Он только и делал, что предавал тебя, снова и снова.

– На сей раз будет по-другому, – прошептал Иккинг с верой в лучшее. – Теперь-то он изменился... Я совершенно уверен.

– **Пытаясь по доброте душевной спасти Сморкалу, – предостерег Одиноклык, стгорая от беспокойства, – ты поставишь под угрозу нас всех, подвергнешь опасности жизнь тех, кто верен тебе, кто никогда тебя не предавал. Порой доброта оборачивается жестокостью. Это одно из тех трудных решений, которые приходится принимать вождю.**

Вот спасибо тебе, Одиноклык. Очень кстати. Большинству из нас повезло – мы не короли и не герои, и нам не приходится делать выбор, который выпадает на их долю. Или я уже говорил это, да? Ну, не грех и повторить...

Ледяной плот затрещал, когда один из волкозубов едва не перевернул его. Показалось Иккингу или драконы, полулежавшие в воде вдоль берегов, тоже шевельнулись, когда раздался треск?

В этот миг Иккинг заметил очень маленького и очень уродливого дракончика-нюхача. Дракончик невинно дрых рядом со Сморкалой и его драконом, Ураганом, и больше всего походил на невинную маленькую свинку. Он был из породы мухрюнделей, самых глупых и добродушных драконов в мире.

Девять пар глаз, драконьих и человеческих, с тревогой глядели на Иккинга. Иккинг любил своих друзей. Он понимал, что не должен подвергать их опасности. Но он не мог обречь на ужасную гибель в когтях Мятежных драконов собрата-человека, даже если он на другой стороне, не говоря уже о бедном, покрытом шрамами верховом драконе и умильном глупом маленьком мухрюнде.

– Давайте спасем его, – прошептал Иккинг. – Давайте его спасем!

– Ох, братец, – простонал Рыбьеног. – Я понимаю, что ты прав, но ох, братец...

– Попробуем спасти его с воздуха, – сказал Иккинг. – Я проведу Смертеня прямо над льдиной, а Камикадза сбросит Сморкале веревку.

– Позволь только заметить, что я АБСОЛЮТНО не согласна с твоим решением, – яростно прошипела Камикадза. – Это БЕЗУМИЕ! Это ИДИОТИЗМ! Ты витаешь в облаках и не понимаешь, что происходит, Иккинг, Хулиганский ты полудурок... – Тут, как бывало часто, ее настроение мгновенно переменялось, и девчонка азартно выхватила меч. – Лучше я спущусь сама!

И прежде чем кто-то успел ее остановить, Камикадза привязала веревку к седлу Смертеня и полезла вниз, пока не зависла над ледяным островком, словно черный паучок.

– Это тоже часть плана? – спросил Рыбьенг.

– Унылые устрицы, нет... Камикадза! – прошипел Иккинг. – Давай обратно!

Но Бой-бабы обладают чудесной способностью временами начисто терять слух.

– Спроси его, на чьей он стороне! – подсказал Рыбьенег шепотом сверху.

Камикадза повисла на веревке ровно у Сморкалы над головой. Держась одной рукой за веревку и натянув лук другой, она подстрелила волкозуба (чтобы похвастаться одним из самых выпендренных своих умений).

– Привет, – бодро окликнула она Сморкалу. – Иккинг думает, что мы должны тебе помочь, а вот Рыбьенег хочет знать, на чьей ты стороне. Потому что, если ты из людей Элвина, я просто оставлю тебя здесь...

Сморкала был занят, отбивался от волкозубов, но, услышав голос из ниоткуда, резко обернулся и негромко вскрикнул от изумления.

Камикадза успокаивающе помахала Сморкале и наградила его самой лучшей и широкой своей улыбкой. Тот вылупился на девчонку, которая будто висела в воздухе, и решил, что ему мерещится. Потом он все-таки спохватился и, ткнув трясущимся пальцем в спящих по берегам драконов, с невыразимым облегчением прошептал одними губами:

– ПОМОГИТЕ... только тихо...

Камикадза, не обратив внимания на его попытки тихариться, отозвалась совершенно обычным голосом, беззаботно раскачиваясь в воздухе:

– Да, занятно, что ты об этом попросил. Мы как раз прикидывали, помогать тебе или нет.

– Ради Тора, ты, Бой-баба психованная... это же Мятежные драконы... ты видела, что они сотворили со здешним лесом? А если они проснутся, то позовут Ярогнева...

Камикадза отпустила веревку и по-кошачьи приземлилась на льдину рядом со Сморкалой.

– Ты не ответил на вопрос. На чьей ты стороне?

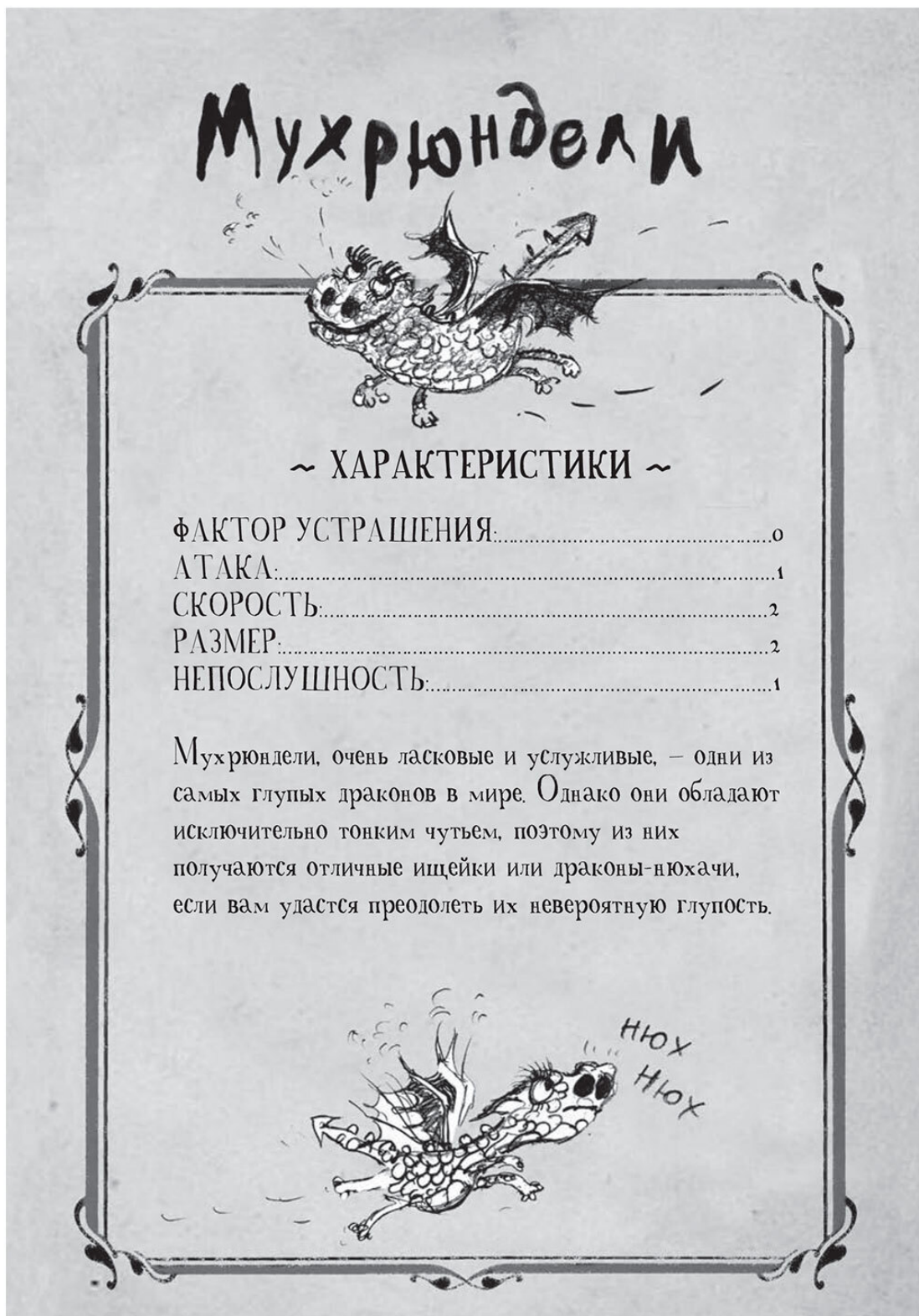
Сморкала неразборчиво, но разочарованно хрюкнул, отпихивая лапу ухмыляющегося волкозуба, которому почти удалось выбраться на льдину.

– Ладно, – прохрипел он. – На ВАШЕЙ я стороне! Точно на ВАШЕЙ! Зуб дам, на ВАШЕЙ! Я искал вас, чтобы отвести вас в лагерь ведьмы – там остальные Утраченные Сокровища...

– Говорит, он на НАШЕЙ стороне! – крикнула Камикадза наверх. – Но я бы не стала доверять ему дальше, чем на полет стрелы.

– Я же говорил! – прошептал Иккинг сверху. – Но пожалуйста, чуть потише, Камикадза...

– Ты точно уверен, что нам надо его спасать? – еще раз спросила Камикадза, не скрывая разочарования. – Он правда не очень-то хороший парень.

- Нельзя потише, ты, жуткая мелкая Бой-баба... – прошипел Сморкала. – Оп-па...
- Оп-па... – отозвался Иккинг.
- Оп-па? – простонал Рыбьенег, закрыв ладонями лицо от ужаса. – Что ты хочешь сказать этим «оп-па»? ОП-ПА – это всегда плохо. Пожалуйста, возьми назад это «оп-па» и дай мне вместо него искреннее, облегченное «ура». Стесняюсь спросить, а что не так-то?
- Мухрюндель, – пояснил Иккинг. – По-моему, мухрюндель просыпается...

– Ну и что такого? – прошептал в ответ Рыбьенег. – Мухрюндели неопасны. Слишком поздно.

Проснувшись, мухрюндель первым делом трижды громко и со вкусом чихнул, забрызгав все вокруг. Отскочил от живота спящего Урагана, резко расправил крылышки и повис в воздухе, жужжа, как толстый розовый шмель. Его завитой хвостик отчаянно вилял, пока хозяин поглядывал налево-направо.

– **Гав! Гав! ГАВ!** – пролаял веселый дракончик. Он был такой глупый, что считал себя собакой.

Уж не напряглись ли Мятажные драконы вдоль берегов при этом последнем жизнерадостном «гав»?

– **Эй! Как тебя? Мухрюндель!** – прошептал Иккинг сверху вниз.

– **Йу-ху-у!** – отозвался дракончик, радостно помахав розовой ножкой. – **Я тебя ви-и-ижу! Привет, бабушка! Где зубная щетка?**

Он запорхал с жужжанием туда-сюда, обнюхивая воздух.

На сей раз Мятажные драконы вдоль берега определенно зашевелились. Конечности их подрагивали, глаза готовы были вот-вот открыться.

– **О-О-О-О-О!** – пропел Мухрюндель. Рыльце у него задрожало от возбуждения, когда он узнал запах Иккинга. – **Я ЗНАЮ ЭТОТ ЗАПАХ! Я ИСКАЛ ТЕБЯ! Я ВЫСЛЕЖИВАЛ ТЕБЯ!**

Для встревоженного слуха Иккинга этот вопль был такой же тихий и мирный, как трубный глас его старого учителя, Плеваки Крикливого, когда тот судил бейбольный матч, или любовная песнь гигантского болотного моржа, призывающего другого влюбленного болотного моржа через милю-другую ледяных полей.

– Мы с Носатым играли в такую игру: я искал тебя, выслеживал тебя всю дорогу вверх по реке! Смотри, Носатый! – победно пропел Мухрюндель Сморкала, указывая на Иккинга всеми четырьмя ножками. – **Я НАШЕЛ ЕГО! Я УЗНАЮ ЭТОТ ЗАПАХ ГДЕ УГОДНО!**

– Ты не можешь заткнуть эту тварь? – прошипел Сморкала с круглыми от ужаса глазами.

– Мухрюндель! – прошептал Иккинг со спины Смертеня. – Ты молодец, хорошо поработал, но теперь мы играем в ДРУГУЮ игру... совсем ДРУГУЮ игру... Эта новая игра называется «Как-Можно-Тише»... она очень-очень интересная. Играешь с нами?

– О-о, играю! – пропищал Мухрюндель. – Возьмите МЕНЯ в игру! Посмотрите, как я играю!

– Как можно тише... как можно тише... – напомнил Иккинг, прижимая палец к губам. – Чшшш...

Мухрюндель изо всех сил сосредоточился, плотно сжал крохотные челюсти и задержал дыхание. Он постепенно багровел и раздулся раза в три, а затем внезапно сдулся с громким ЧПОК!

И удивленно открыл глаза.

– Извиняюсь... У тебя день рождения? Я **ВЫИГРАЛ!** – пропищал Мухрюндель.

– Да-да-да... – прошептал Иккинг, нервно поглядывая на берег. – **Но помни, как можно тише... как можно тише...**

– **Как можно тише...** – добродушно повторил Мухрюндель. – **Хи-хи-хи... какая смешная игра.**

Он снова изо всех сил сосредоточился, задержал дыхание, завис в воздухе и раздулся в два, в три раза. Иккинг свесился со спины Смертеня и попытался его поймать, благо дракончик парил на расстоянии вытянутой руки, но как раз когда он его почти схватил...

ЧПОК!

Мухрюндель снова сдулся, отлетел от вытянутой руки Иккинга и принялся кувыркаться в воздухе, заливаясь смехом:

– **ИЗВИНИТЕ! Как поживает ваш папенька? Я ВЫИГРАЛ! Я ВЫИГРАЛ! Я ВЫИГРАЛ!**

Жуткие Мятежные драконы беспокойно ворочались во сне.

Мухрюндель с невинным видом порхнул к одной кошмарной куче: вертокруту с вываленным волосатым языком, мозгоеду с жалом, вонзенным в голову несчастного мертвого барсука, и бритвокрылу, который свернулся зловещим кольцом на мелководе, словно затаившийся велоцераптор. Тело его было наполовину в воде, но острые крылья касались берега.

Мухрюндель, весело хихикая, носился вокруг, игнорируя придушенные вопли Иккинга:

– Мухрюндель! Вернись, Мухрюндель!

– О-о! – в восторженном смущении верещал дракончик. – Вы все такие красивые!

Как мне выбрать, кто из вас будет моим другом?

Он уселся на зловещий изгиб носа бритвокрылу.

– Где мое печенье? Вы замужем? Будь моей подружкой...

– Не могу это видеть... – простонал Рыбьенег.

И правда, это было все равно что смотреть, как кролик с энтузиазмом пытается подружиться с тяжеловооруженной кроликоядной коброй.

Бритвокрыл не открывал глаз.

Но медленно, медленно, медленно его челюсти приоткрылись на крохотную-крохотную щелку.

И из зазубренного изгиба его пасти, словно из живота чревовещателя, донесся жуткий, скрипучий, хриплый голосок, который очень-очень тихо пропел:

КОГТИ ОМОЙТЕ КРОВЬЮ
ЛЮДСКОЙ...
МЕРЗОСТЬ ЛЮДСКУЮ ДОЛОЙ С ЗЕМЛИ...

– Ой, какая славная песенка, – произнес Мухрюндель исключительно потому, что от природы был вежливым дракончиком.

Он вдруг несколько занервничал и смутился. Песнь Алаярости славной никак не назовешь.

Испепелите людей огнем...

И вокруг по берегам из пасть других Мятёжных драконов, не открывавших глаз, понеслись те же хриплые голоса и присоединились к отвратительному механическому хору.

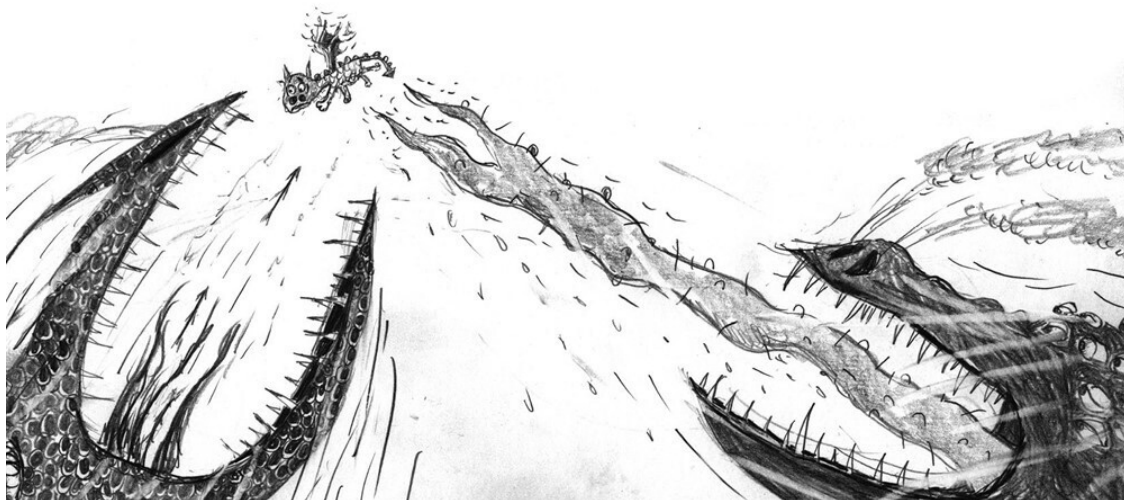
– Ох, братцы... ох, братцы... – шептал Рыбьенюг. – Вот и приехали... плохо это кончится...

Драконы снова запели, на сей раз громче.

И...

ЩЕЛК!

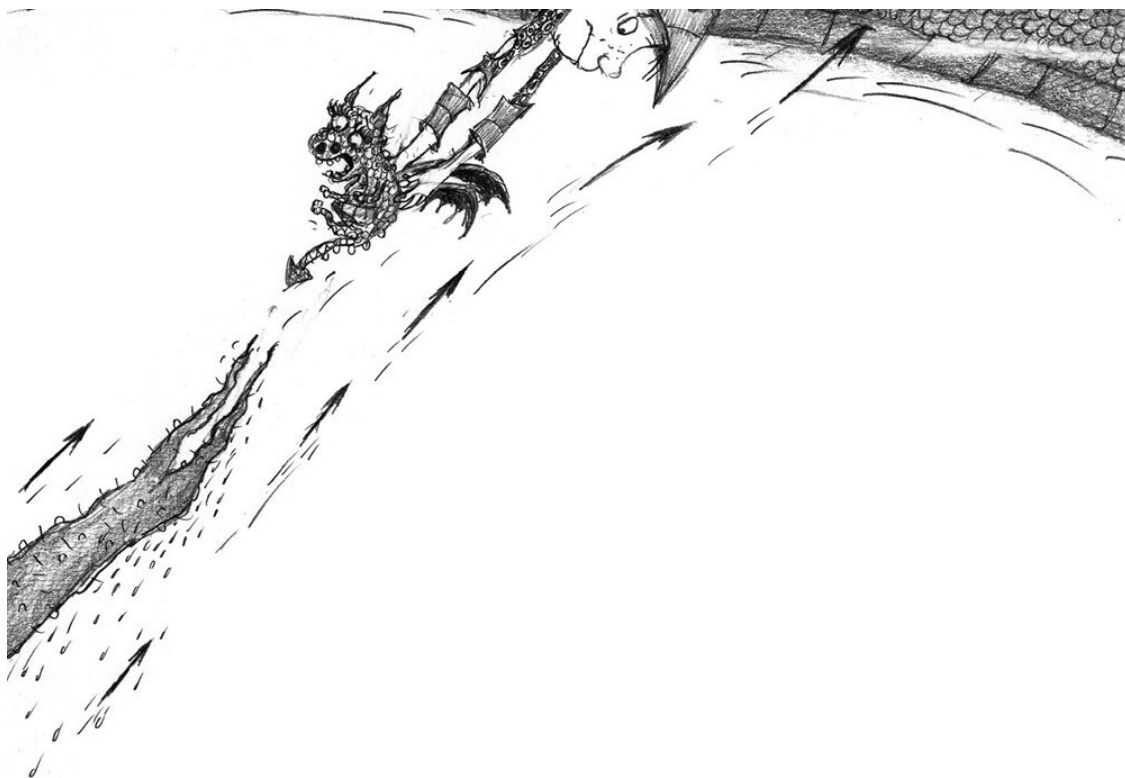
Веки бритвокрыла резко распахнулись, глаз бритвокрыла зафиксировался на Мухрюнде с задумчивостью столь же ласковой и разумной, как взгляд большой белой акулы.

Вертокрут открыл глаза одновременно с бритвокрылом и потянулся длинным, отвратительно толстым и волосатым языком к отчаянно трепыхающимся крылышкам Мухрюнделя в надежде оторвать хоть одно. Извините, но это правда.

Медленно-медленно бездонная пасть бритвокрыла распахнулась до предела. В глубине его глотки, в огненных железах, словно мелкие злые шершни, таились два маленьких ядовитых дротика. И теперь они были готовы вылететь из жуткой пасти...

На сей раз, когда песня дошла до строчки «испелите людей огнем», бедный глупый Мухрюндель наконец-то сообразил, что дело плохо. Эти драконы оказались вовсе не дружелюбными и не милыми. На самом деле все совсем наоборот.

Выражение добродушного изумления резко превратилось в бредовую панику. Веселый хвостик развернулся и жалобно повис, а Мухрюндель заскулил, пятясь:

– **Извините, дядюшка... Где выход? Кто-то чихнул? Не падай духом! Покинуть корабль!**

Невидимо спикировав вниз на спине Смертеня, Иккинг выхватил Мухрюнделя из воздуха, сунул в заплечный мешок и тут же взмыл вверх снова.

И успел он в самый распоследний момент, потому что – ДЫНЦ! ДЫНЦ! – прожужжали у них над головами маленькие электрически-желтые и чернильно-черные дроттики, когда бритвокрыл опорожнил огненные железы.

Одно хорошо – волкозубы прекратили атаковать льдину. При первых признаках пробуждения Восстания они удрали прочь и растворились во тьме искаленного леса. Те, что были в реке и пытались забраться на льдину, погрузились обратно в воду и по-лягушачьи бросились врассыпную. Они-то безошибочно распознали опасность.

Сморкала никакой благодарности за исчезновение волкозубов не испытывал. Благодарность – это было вообще не по его части.

– Что вы делаете, вы, медузоголовые ИДИОТЫ! Это так вы людей спасаете? Вы ж перебудили всех Мятежных драконов! – шипел он в недоверчивом ужасе. – А они позовут Ярогнева!

Ситуация стремительно выходила из-под контроля.

Драконы по краям реки резко перешли от застывшей сонной неподвижности к дикой лихорадочной жизни. Жуткая песнь Драконьего восстания гремела вокруг юных викингов, а льдина, удерживавшая на плаву Сморкалу, Камикадзу и спящего Урагана, неслась вниз по течению. Боевой гимн звучал так пронзительно и громко, что сам по себе наносил вред людям. Драконы визжали, как гарпии, и так оглушительно, что ушам было больно.

– Пороги... – в ужасе выдохнул Иккинг, глядя вниз на бурлящую, пенную воду.

Впереди по курсу льдины из воды, словно чертовы зубы, торчали острые, зловещего вида скалы.

И что еще хуже, вдали раздавался гулкий рев, явственно различимый в неподвижном ночном воздухе. Что это за шум, рокот надвигающейся грозы?

Ох, ради Тора.

Иккинг внезапно вспомнил, что при впадении в океан вот эта самая река падает со скалы гигантским водопадом, самым большим в Варварском архипелаге.

– Водопад! – заорал Иккинг. Таиться уже не было никакого смысла. – БРОСАЙТЕ ЛЬДИНУ, А ТО УГОДИТЕ В ВОДОПАД!

3. План идет наперекосяк

Мятежные драконы атаковали в полную силу. Пение их достигло оглушительной громкости. Они пикировали, ныряли, визжали, метали отравленные дротики, жуткий огонь и взрывающиеся молнии.

Камикадза со Сморкалой поливали проносящиеся на бреющем кошмары стрелами и отчаянно цеплялись за кренящуюся льдину, бешено несущуюся вскачь по реке, словно неуправляемые санки. А Ураган, верховой дракон Сморкалы, как ни странно, продолжал крепко спать.

Рев водопада ниже по течению становился все громче, превращаясь в великий водяной гул. Даже в ночной тьме можно было различить клубящееся облако брызг, вспухающее над лесом впереди, словно тучи над курящимся вулканом.

Водопад был уже совсем близко. Еще один поворот, и они полетят в пропасть.

Иккинг с Рыбьенгом сеяли хаос и неразбериху, стреляя по атакующим драконам со спины практически невидимого Смертеня. Но драконы напали в таких кошмарных количествах, что захват льдины был делом нескольких минут.

– **ИЙИА-АОУ!**

Еще один бритвокрыл сиганул со скалистого берега и со злобной ухмылкой стервятника приземлился на край льдины. Острые крылья проскрежетали по краям маленького островка. Льдина отчаянно закачалась и едва не ушла под воду.

– Этот план точно пошел наперекосяк... – прошептала Камикадза, когда бритвокрыл приготовился броситься и расплосовать их и...

БАМС!

Брыкающийся, гарцующий ледяной островок врезался в утес и рассыпался вдребезги... катапультировав Камикадзу, Сморкалу и бритвокрыла с Ураганом в ледяную реку.

Окунувшись в холодную воду, Ураган наконец проснулся. С тревожным воплем бедное животное попыталось плыть, сиюсья распутать мокрые крылья в хаосе ревущих порогов.

Сморкалу, по-прежнему прикованного к Урагану длинной цепью, потащило следом, непрерывно колошматя о камни.

Словно неряшливое пугало, Рыбьенег бешено спрыгнул со Смертеня на спину Ветрогону, в надежде успеть перехватить Камикадзу. Иккинг гнал Смертеня вперед, а Рыбьенег направил Ветрогона вниз, сквозь дождь бритвокрылых дротиков, к подпрыгивающей на волнах белобрысой голове.

– ВНИЗ, ТЕНЬ! ВНИЗ! – орал Иккинг.

Трехглавый Смертень спикировал...

...и промахнулся. Гигантская волна рывком унесла Камикадзу из-под протянутых драконьих когтей.

RRRRRRRRRRRRRR!

Грохот тысяч и тысяч тонн стремительно несущейся и падающей со скалы речной воды был совершенно ужасен. Они оказались как раз над кромкой.

Река неслась через край неудержимым разрушительным хаосом.

Еще секунда, и ее бы смыло, но Камикадза уцепилась обезьяньей лапкой за веревку, свисавшую со Смертеня, и ее выдернуло из бездны.

А вот Ураган рухнул-таки со скалы, и они со Сморкалой разбились бы насмерть о камни внизу, не успей дракон в последний момент расправить крылья и полететь. Он с воплем устремился вверх, волоча хозяина за собой.

Рыбьеног подвел Ветрогона так, чтобы тот оказался под болтающейся Камикадзой, и она рухнула дракону на спину. Тогда он направил Ветрогона вдогонку Урагану, драконы поравнялись, и Камикадза перескочила на Урагана, чтобы подтянуть Сморкалу за цепь в седло.

Затем три дракона развернулись, и Смерть рванул обратно вверх по реке к укрытию в горах. По пятам за ним неслись Ветрогон и испуганно храпящий Ураган. А за ними гналась разъяренная стая завывающих Мятежных драконов, обезумевших от стрел и предвкушения трапезы впереди.

Времени, чтобы добраться до Норы, оставалось в обрез.

И тут Иккинг услышал звук, от которого кровь у него в жилах застыла.

Это было гораздо хуже, чем водопад. Это был отдаленный визгливый, лающий рев, неизбежный результат жуткой песни Алаярости.

Рев Ярогнева.

Должно быть, один из Мятежных драконов полетел напрямиком в крепость на севере и разбудил его. Даже с такого расстояния Иккинг различал слова:

**– ОН НИ ЗА ЧТО НЕ ДОЛЖЕН СТАТЬ ВЗРОСЛЫМ! Я ЕГО НАСТИГНУ!
Я ОБРУШУСЬ С НЕБЕС И УНИЧТОЖУ ЕГО!**

Ярогнев кричал об Иккинге.

Далеко-далеко на севере изо льда и огня, из булькающих вулканических озер вздымался темный силуэт. Невообразимо огромный, он заслонял собой луну. Каждым взмахом громадных темных крыльев дракон преодолевал огромное расстояние с немыслимой быстротой. Тень направлялась на юг, прямо к беглецам в Душегубских горах. Глаза ее сочились пламенем, а огромная пасть изрыгала смерть, муки и невыразимые ужасы.

– Срочно в укрытие! – истерически завопил Иккинг.

Мятежных драконов было столько, что они казались массой грозных облаков или тучей саранчи. Тысячи, и тысячи, и тысячи.

Они летели таким плотным строем, что бритвокрылы то и дело случайно отсекали головы соседям, и чешуйчатые головы сыпались в ущелье, не переставая вопить и изрыгать пламя, молнии или отравленные стрелы.

Иккинг доверил Смертеню выбирать дорогу, а сам лег на живот лицом против движения, словно кормовой стрелок, и стал выпускать в преследователей стрелу за стрелой. А ведь ему еще приходилось целиться с умом, чтобы не попасть случайно в Рыбьенога верхом на Ветрогоне или Сморгалу с Камикадзой на Урагане.

Условия для полета были исключительно сложные: ползучий туман, лавирование, извилистое ущелье, острые скальные образования, внезапно вырастающие из тумана. Это было все равно что преодолевать пороги, только в воздухе.

К счастью, Ветрогон, Смерть и Ураган были одними из самых быстрых верховых драконов в мире – только серебряный призрак летает быстрее, – поэтому они неслись впереди вопящего, плюющего, завывающего ужаса Драконьего восстания. Иккинг старался не слушать более низкую и мрачную угрозу, громадную крылатую тень Ярогнева, чей разъяренный вопль гремел громче АлаЯрости. Ярогнев неумолимо надвигался, словно громадная сова, пикирующая в ночи на крохотных мышей, на мгновение неосторожно покинувших норку.

– Я ПОРВУ МИР НА КЛОЧКИ В ПОГОНЕ ЗА НИМ! Я УБЬЮ ЕГО САМ!

Ветрогон и Смерть преодолели крутой поворот ущелья, и Иккинг с чудовищным облегчением увидел проступивший перед ними из тумана гигантский острый утес.

Высоко на остроконечной вершине, откуда открывался захватывающий вид на весь окружающий ландшафт, рискованно, едва не падая, балансировало дерево. А под спутанными корнями этого дерева помещался подземный тайный лагерь. Такой тайный, так хорошо спрятанный, что едва ли с полдюжины живых существ в мире знало о его существовании.

Элвин Вероломный отдал бы свой лучший крюк, чтобы узнать, где находится это укрытие. Ярогнев тоже, ведь его драконы охотились за ним на земле и в небе, день и ночь.

Некогда подземелье служило убежищем матери Рыбьенога, Фурии. Она устроила его давным-давно, когда маленькой девочкой росла в Душегубских горах. Иккингу с друзьями его показал Смерть, который раньше был драконом Фурии, и беглецы прятались там в ожидании встречи с другими Воинами Драконьей Печати в Канун Солнцеворота.

Иккинг никогда еще так не радовался виду убежища.

Он натянул поводья и принудил Смерть внезапно резко остановиться в воздухе.

– Веди остальных в подземный дом, а я отвлеку Мятежных драконов! – прокричал Иккинг Рыбьеногу, проносящемуся мимо на спине Ветрогона.

Одному богу Тору известно, много ли расслышал Рыбьеног на такой скорости.

Ураган пронесся следом за Ветрогоном обезумевшим потоком ужаса. Иккинг взял себя в руки, приготовил шесть стрел и дрожащими пальцами наложил одну на тетиву. У него имелось преимущество – невидимость Смерть, так что Мятежные драконы даже не поняли бы, откуда летят эти стрелы.

Главное – правильно выбрать время.

Вот показались первые преследователи, и Иккинг выпустил одну, вторую, третью, четвертую, пятую, шестую стрелы.

С потрясенным воплем первый дракон, бритвокрыл, кувырком полетел назад, врезавшись в стаю за спиной, а затем рухнул в ущелье. На короткое время воцарилось замешательство. Но этого хватило. К тому времени, когда стая выстроилась снова и сосредоточилась, добыча исчезла.

Ветрогон, Ураган и их всадники нырнули в подземный дом, а Мятежные драконы в бесильном бешенстве исходили пеной – видеть Иккинга, зависшего всего в двадцати футах от них верхом на Смертене, они не могли, трехглавый дракон встал на дыбы, заслоняя всадника. Бритвокрылы пометались, облаивая друг друга, и полетели прочь вниз по ущелью, куда, как они полагали, улизнула жертва.

Иккинг снова начал дышать.

И тут случилось это.

Вход в тайное убежище
под деревом
ЗДЕСЬ

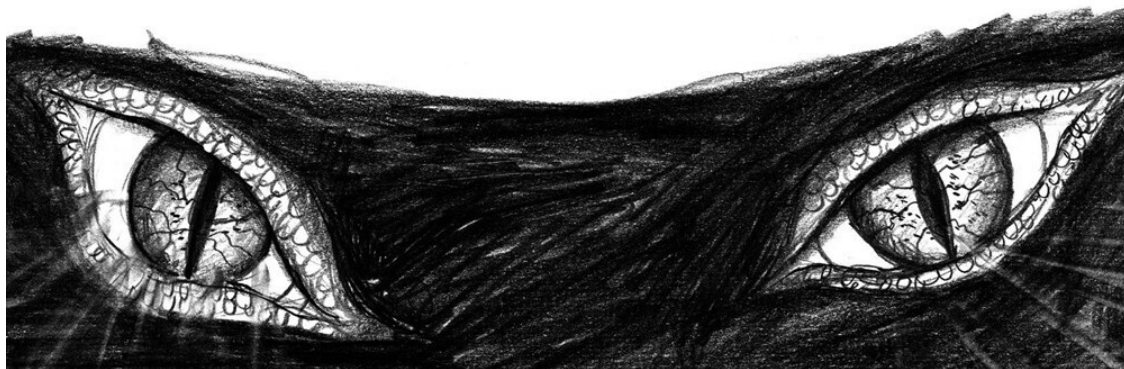

4. Глаза в пустоте

В воздухе, прямо перед Иккингом и Смертенем, висели два красных глаза. Узкие щелочки со слегка подрагивающими зрачками.

Иккинг моргнул, не в силах быстро понять, что происходит. Уж больно странное и жуткое было зрелище.

Удирая от Драконеьего восстания, он позабыл, что люди – Элвин Вероломный и его маменька, ведьма Экселлинон, – тоже ищут его. А на ведьму работают вампиры-ищейки, охотятся и шпионят для нее.

Иккинг никогда прежде не видел вампиров-ищеек, но знал, что они хамелеоны, способные делаться невидимыми почти целиком – кроме горящих глаз.

Вокруг зависших в воздухе красных глаз медленно проступил остальной вампир-ищейка. Мерзкое создание имело голову летучей мыши-вампира и тело громадной маргитки, и вопило оно маргитке под стать.

Мгновение кошмарная тварь маячила у Иккинга перед глазами, а потом его левую руку пронзила острая боль. Он так растерялся, что лишь озадаченно посмотрел на собственную конечность, словно она принадлежала кому-то другому. И увидел, что вампир-ищейка вцепился ему в руку острыми челюстями.

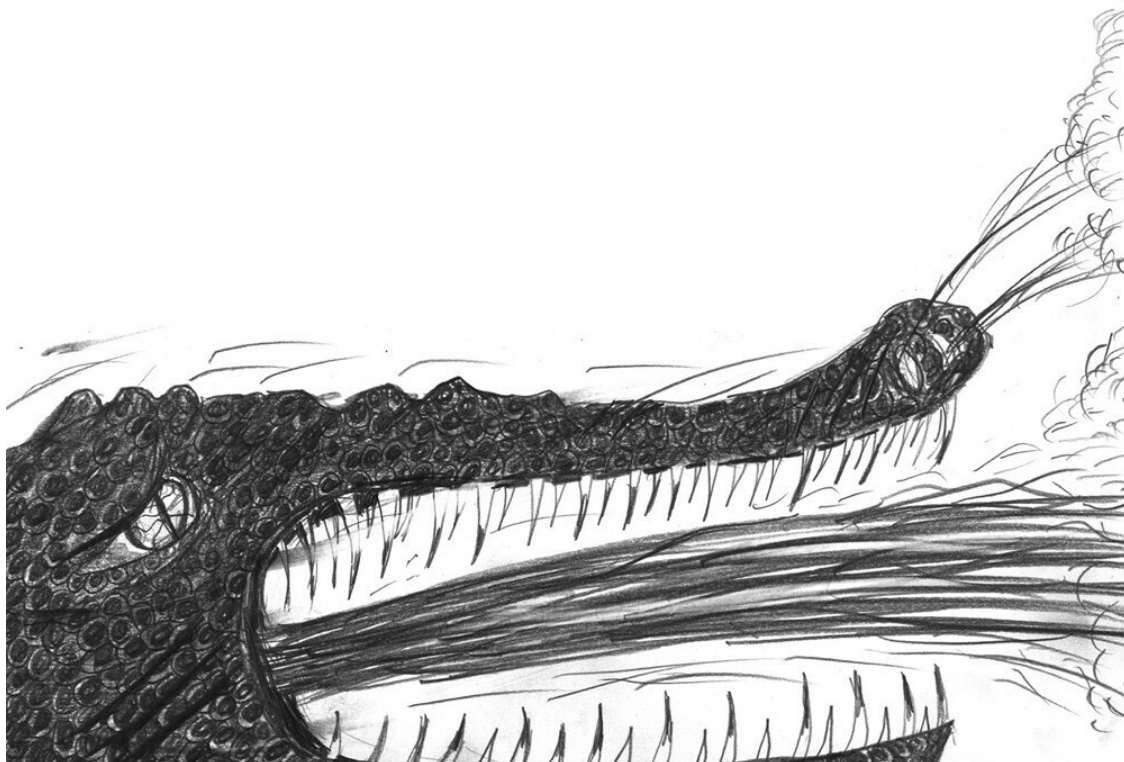
Тварь не успела еще толком сомкнуть челюсти, как Смерть повернул ближнюю голову, отодрал вампира-ищейку от Иккинга и швырнул кровососа в воздух, словно собака, сорвавшая крысу у себя со спины.

Вопящее чудовище мгновенно сделалось невидимым, только красные глаза метнулись вниз по ущелью.

Прежде чем Иккинг успел шевельнуться или подумать, пламя Ярогнева показалось над лесом.

– Я ЕГО НАСТИГНУ-У-У-У!

Горизонтальная стена огня пронеслась по ночному небу. Раскаленная добела, она просто срезала вершину горы за подземным убежищем. Тонны и тонны камня и земли полетели в ущелье вниз.

Три пасти Смертенья одновременно завопили, а пламя лилось и лилось на их головы. Несколькими быстрыми взмахами крыльев трехголовый дракон добрался до скрытого плющом входа в подземный дом.

Они едва успели.

– В него попали... в него попали... – доносились до Иккинга причитания дрожащего Рыбьенога.

Тот помогал другу слезть со спины Смертенья, но Иккингу казалось, будто слова доносятся откуда-то из далекого далека. Он был на грани обморока.

Снаружи Ярогнев, полный мстительных надежд, добрался наконец до места, где мальчишку видели в последний раз. Но добыча исчезла, и громадный дракон снова потерпел неудачу.

Ярогнев взорвался гневом, и вокруг словно наступил конец света. Пламя Драконьего восстания утюжило сожженный и разрушенный ландшафт внизу, а дрожащие Беззубик, Бури-муха и Мухрюндель распластались по стенам убежища вокруг входа.

– **Он нас тут не найдет**, – дребезжал Одиноклык, пытаясь подбодрить не только остальных, но и себя. – **Он нас не найдет... Он охотился за нами и раньше, и он не найдет нас сейчас...**

Но трудно сохранять спокойствие, когда Алаярьость безжалостно и непрерывно хлещет землю вокруг. Они слышали, как горит, и трещит, и вопит лес, снова и снова поливаемый пламенем. И деревья съеживались, как бумага, и мелкие лесные обитатели вопили, удирая из ада.

– Камикадза... – пропыхтел Иккинг. – Где Камикадза?
– погоди, Иккинг, ты ранен... – Рыбьенг чем-то бинтовал другу руку. – погоди...
Но Иккинг не обратил на него внимания и, шатаясь, поковылял во внутреннюю пещеру –
вторую «комнату» подземного дома. Камикадзы там не оказалось.

Иккинг прихромал обратно и попытался вскарабкаться по приставной лестнице к выходу. Но его сдуло назад волной жара – словно кулаком в лицо получил. Стена пламени была такая горячая, что ему опалило кожу – даже в нескольких шагах от входа.

Одинклык мягко покачал головой:

– **Ты не можешь выйти, Иккинг. Не сейчас...**

– **Но нам надо за ней!** – настаивал Иккинг.

– **Не сейчас, Иккинг...**

– Куда она подевалась? – спросил Рыбьеног с круглыми, серьезными, испуганными глазами.

– Ее забрали, – раздался голос у них за спиной.

На полу, по-прежнему прикованный к Урагану длинной цепью, лежал Сморкала. Лицо его скрывала тень. Он повторил те же слова, тем же бесцветным мертвым голосом:

– Ее забрали.

– Как это – забрали? – не понял Рыбьеног.

А Иккинг уже знал ответ.

Перед глазами у него молнией вспыхнула жуткая картина – вампир-ищейка. Он словно смеялся над Иккингом.

«Если мне попался один вампир-ищейка, то в ущелье могли скрываться и другие...»

– Ее забрали живой, – сказал Сморкала, – один из ведьминых драконов-ищек.

5. Укус вампира-ищейки

– Я видел, – тихо продолжал Сморкала. – Она привела меня сюда, но, как раз когда она лезла следом за мной, из ниоткуда спикировал вампир-ищейка и унес ее.

– **Ветрогон! Это правда?** – Иккинг обернулся к Ветрогону, лежавшему на полу.

Длинное неряшливое тело дракона было посечено дротиками бритвокрылов. Иккинг смутно и отчаянно надеялся, что Ветрогон опровергнет слова Сморкалы, но дракон кивнул с несчастным видом и снова негромко и жалобно заскулил.

– Нет... – прошептал Иккинг. – О нет...

Он обхватил руками свое тощее, бледное, дрожащее тело, пытаясь успокоиться. Рука ныла от боли.

ЭТО ВСЕ Я ВИНОВАТ. ЭТО МОЯ ВИНА.

Камикадза доверяла чутью Иккинга больше, чем собственному. Она не согласилась с его решением, но верно и преданно последовала за Иккингом в бой. И вот теперь они ее потеряли.

Как там говорил Одиноклык?

«Пытаясь по доброте душевной спасти Сморкалу, – предостерегал он, – ты поставишь под угрозу нас всех, подвергнешь опасности жизнь тех, кто верен тебе, кто никогда тебя не предавал. Порой доброта оборачивается жестокостью. Это одно из тех трудных решений, которые приходится принимать вождю».

– Ну а чего ты ждал? – произнес Сморкала холодным, жестким тоном, исполненным презрения. – Ты превратил всю операцию в полный бардак. Разбудил Мятежных драконов. По шуму ведьмины вампиры-ищейки наверняка поняли, что ты там. Чем, по-твоему, это могло кончиться?

Рыбьеног, дрожа от ярости, обрушился на Сморкалу:

– Мы вообще оказались там только ради спасения твоей никчемной прыщавой шкуры! Почему ты даже не попытался догнать ее, Сморкала? Она рисковала ради тебя жизнью, а ты даже не почесался отбить ее?

– Разумеется, мне до смерти хотелось рвануть за драгоценной мелкой бой-бабской стервой, – протянул Сморкала. – И я бы молниеносно вскочил на верного коня – ты же знаешь, какой я галантный, Рыбьенег, – но мой верховой дракон самым неудачным образом оказался утыкан жалами бритвокрылов и едва мог шевельнуть крылом.

– Откуда мы знаем, что это не ТЫ передал Камикадзу ведьме? Может, это был трюк, чтобы выдать нас людям Элвина!

Рыбьенег в запале высказал то, о чем Иккинг думал про себя.

– Зачем мы только послушали твои крики о помощи! Ты же наверняка отдал Камикадзу ведьминой ищейке! А ты, – орал Рыбьенег, – не стоишь и мизинца этой девчонки!

Сморкала промолчал. Лицо его скрывала темнота, но, возможно, пальцы его дрогнули, когда Рыбьенег заявил, что он не стоит и мизинца Камикадзы.

А может, и нет.

– Этой маленькой Бой-бабы? – протянул он. – Да ну, она же всего лишь Бой-баба, в конце-то концов...

Сморкала словно нарочно их злил.

И Рыбьенег сорвался.

Сморкала травил Рыбьенога всю жизнь. Любой, кого травили, знает, каково это. Первые десять лет Рыбьеног провел в постоянном страхе, боясь лишней раз выйти за дверь своей одинокой маленькой хижины. Там его непременно ловили Сморкала и его наглый приспешник, Песьедух Тугодум, и били его, пинали, не обращая внимания на слезы и мольбы.

И вот теперь Рыбьеног с друзьями спасли Сморкале жизнь, и Сморкала отплатил им тем, что предал Камикадзу, а ведь Камикадза и Иккинг были единственными друзьями Рыбьенога среди людей.

Пятнадцать лет травли, ненависти, злости и обиды вскипели в Рыбьеноге.

Вся тревога за Камикадзу, весь страх перед тем, что Ярогнев сделает, когда найдет их в этом убежище, вся ненависть к Сморкале выплеснулись единым, раскаленным добела потоком.

– Надо выкинуть тебя из укрытия! – взревел Рыбьеног. – Ты ЛЖЕЦ! Ты ПРЕДАТЕЛЬ! Ты предавал Иккинга и нас всех, раз за разом!

Три головы Смертения испустили одновременный вопль, и по пещере пошла рикошетом гулять молния. Все три головы набрали воздуха, готовые ударить, ведь Рыбьеног был теперь их хозяин.

БАХ! Рыбьеног двинул Сморкале в нос.

Сморкала опешил. Он никогда особо не задумывался об этом хлятикке, Рыбьеноге, разве только чтобы изобрести новый, особенно гнусный способ унижить его. Рыбьеног сроду не смел даже ущипнуть Сморкалу, не то что стукнуть. Сморкала поднял было руки, чтоб ударить в ответ, но предостерегающий вопль гигантского Смертения остановил его.

БАХ! Рыбьеног ударил снова.

Сморкала едва не рассмеялся. Как бы ни старался Рыбьеног двинуть побольнее, его тощие, слабые ручонки не могли причинить настоящую боль. Но этот его громадный трехголовый монстр... Этот-то может, и еще как. Сморкала то и дело со страхом поглядывал на него.

– Ну, каково? – процедил разъяренный Рыбьеног. – Каково понимать, что ты полностью зависишь от чьей-то милости?

Неприятно, оказывается.

Сморкала смотрел на перекошенное лицо Рыбьенога-берсерка и на ужасный ревуший трехглавый кошмар рядом с ним. Он слегка побледнел.

– Ладно тебе, Рыбьеног, – произнес он неловко, – шуток, что ли, не понимаешь? Я ж всегда просто шутил...

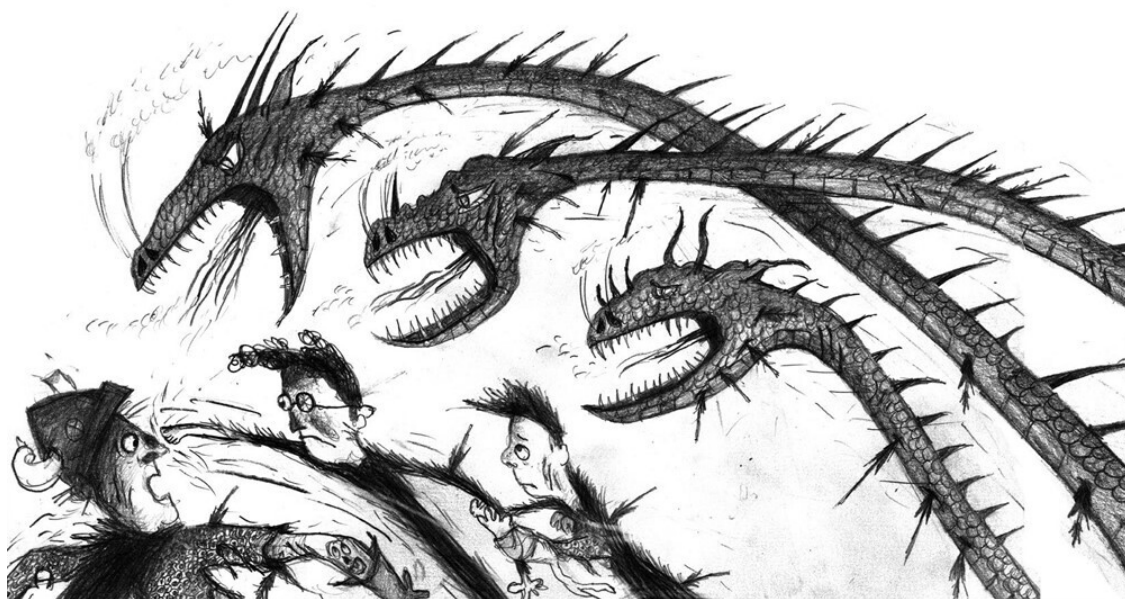
– Шутил, значит? – плюнул Рыбьеног. – Ну так и я сейчас просто шучу! Каково это, когда, что бы ты ни делал, что бы ни говорил, как бы ни умолял, другой НИКОГДА... НЕ... ОСТАНОВИТСЯ?!

БАХ! БАХ! БАХ!

Рыбьеног колотил его снова и снова.

– Стой! – Иккинг ухватил Рыбьенога за руки. – СТОЙ!

Рыбьеног наконец унялся. Красная волна ярости отхлынула от его лица, и он уронил руки.

«Есть нечто воистину ужасное в этой войне», – с усталой тоской подумал Иккинг. Она заставила даже мягкого, отнюдь не воинственного Рыбьенога, мечтавшего стать скальдом, в приступе ярости по-настоящему ударить Сморкалу.

– Сморкала убил бы нас, правда? Он пытался убить тебя, да сколько раз, – мрачно произнес Рыбьеног. – Тебе нельзя быть слабым, Иккинг. Нельзя давать ему столько вторых шансов.

– Так рассуждают Элвин с ведьмой, – вспыхнул Иккинг, чувствуя себя страшно виноватым за Камикадзу и мучаясь страшным подозрением, что Рыбьеног прав. – Любому человеку надо дать шанс. – Он по-прежнему удерживал друга за руки. – А потом дать шанс еще раз.

Друг пораженно уставился на Иккинга.

И тут Рыбьеног вздохнул и откинул с глаз кучерявые волосы. Последняя жгучая искра берсеркской ярости на щеках угасла, он почесал пятнышко экземы на сгибе левого локтя и произнес безнадежно:

– Ты прав... Это все война. Со временем она меняет людей.

Сморкала, совершенно белый, оцепенел от ярости и унижения. Его побил этот хилытик Рыбьеног, а трехглавый Смерть напугал до дрожи. И все в пещере видели его страх.

– Валяйте, обзывайте меня! – горько съязвил он. – Поговорите о том, чтобы дать человеку шанс! Я знаю, в прошлом мы враждовали, но я ведь тоже рискнул жизнью, когда явился сюда предупредить вас, даже помочь вам... – Он пожал плечами. – Но если вы не хотите верить, не верьте – мне-то что!

– Давайте все успокоимся, – тихо сказал Иккинг. – Пока что мы никуда не идем. Мы не можем найти Камикадзу, пока Ярогнев не уберется...

«Если он вообще когда-нибудь уберется. Судя по звуку, на сей раз он не успокоится, пока не спалит нас в собственных постелях...»

– ...и многие из нас ранены, – продолжал Иккинг. – Давайте займемся этим, а после Сморкала расскажет нам, что, по его мнению, произошло.

Большинство ран были следами отравленных дротиков бритвокрылов. Извлеченные, они оставляли по себе саднящую боль, хуже, чем от укуса пчелы или шершня.

Но куда серьезнее был громадный лилово-черный синяк, расплывшийся, словно цветок, по левой руке Иккинга от места укуса вампира-ищейки. Надо было приложить целебные травы. Сняв тряпки, намотанные на рану Рыбьеюгом пару минут назад, Иккинг подскочил от ужаса.

Укус-то был неглубокий.

Но в руке засел зуб вампира-ищейки.

Иккинг наблюдал за драконами много лет и сумел узнать очень многое о разных видах этих существ и их приемах охоты.

Вампиры-ищейки охотятся почти как комодские вараны: кусают жертву – и отпускают ее, оставив в ране зуб. По телу жертвы медленно расплзается парализующий яд, и спустя какое-то время вампиры-ищейки находят умирающее и беспомощное создание. Собственный зуб служил им чем-то вроде «маячка», облегчая поиски.

– Не пытайся вытащить эту пакость! – предупредил Одиноклык. – Тело со временем его отторгнет, и он выпадет естественным путем. У него зазубренные края. Если попытаешься выковырять его сейчас, только еще больше себе навредишь. А так – будет сильное онемение, может, даже паралич, но скоро пройдет. Да и укус неглубок, так что смерть тебе не грозит. Это как с бритвокрыльями жалами – больно, но не смертельно...

«Но тем временем вампир-ищейка будет следить за мной», – подумал Иккинг.

Беззубик не понимал сути происходящего, но видел, что хозяин расстроен, поэтому ласково уселся Иккингу на голову.

– Не-не расстраивайся, хозяин, Беззубик тут, – напомнил он, съезжая по плечам хозяина и обнимая его за шею крыльшками с такой нежностью, что едва не задушил.

Беззубик отчаянно пытался придумать, как бы развеселить Иккинга.

– Хочешь, я шу-шубку надену? – предложил он. – Смотри! Б’бе-беззубик наденет шубку... От этого тебе полегчает...

Он притащил шубку – полуобугленную, поскольку он прятал ее в очаге.

– Так лучше, хозяин? Теперь Б’бе-беззубик ми-ми-мильный и не простудится... А-а-апчи!

Изрядная порция драконьих соплей прилетела Иккингу прямо в лицо.

– У-у-упс! Извини...

– **Спасибо, Беззубик**, – машинально сказал Иккинг, утирая лицо и подставляя дракончику ладонь. – **Теперь мне гораздо лучше.**

Мухрюндель угнездился у Иккинга под мышкой и сочувственно пропищал:

– **Пощекочи мои именины... пора в ванну... орешки поддержи...**

Смысла никакого, но Иккинга тронуло, как оба дракона, каждый на свой манер, пытаются его утешить.

Сморкала смотрел, как они все ходят и порхают по пещере, тихие, печальные и напуганные, а снаружи ревет Драконье восстание. Но им еще хорошо – они есть друг у друга. А он тут не вовремя и не к месту, ему отказано в их товариществе – незваный гость, засевший в темном углу.

У Сморкалы был глубокий порез на правой руке и пара-тройка на лице – все от бритвокрылых крыл. Но никто не собирался помогать ему промыть или забинтовать раны. Ненависть к Сморкале, сгустившаяся в пещере, была так велика и тяжела, что казалось, ее можно потрогать руками. И драконы, и люди избегали смотреть на него, словно от него воняло. Сморкале пришлось оторвать полосы от собственной рубахи и обмотать ссадины, а гордость заставила притвориться, что не так уж ему и больно.

«Только этот нытик Иккинг дает мне шанс», – обиженно думал Сморкала.

– Никто не хочет наконец помочь мне избавиться от цепи? – протянул он. – А потом я расскажу свою версию истории, и вы вполне можете обнаружить, что я всю дорогу был на вашей стороне...

– Если ты на нашей стороне, где твоя Драконья Печать? – Рыбьенг не утратил враждебности. – Покажи ее нам, ты, предатель!

Сморкала спокойно снял шлем и показал лоб, лишенный каких-либо татуировок.

– На мне нет Клейма, – сказал Сморкала, – Но я все-таки на вашей стороне.

– ХА! – фыркнул Рыбьенег, и драконы поддержали его недоверие дымными презрительными усмешками.

– ДАЙ ЕМУ ШАНС ОБЪЯСНИТЬ! – гаркнул Иккинг.

– Спасибо. – Сморкала иронично поклонился кузену.

Беседы с Беззубиком

Когда в доме появляется новый дракон, это может растревожить вашего дракона. Будьте терпеливы, и он это преодолеет. Надеюсь...

Беззубик: Мух-хрюн ни-ни такось муси-пуся ак'ко Б'бе-беззубик. Мухрюндель НЕ такой милый, как Беззубик.

Вы: Зубдамс, не-а, Б'бе-беззубик. Б'бе-беззубик разнаилуч'чшейший. Ба надда бу манинирлиш.

Разумеется, нет, Беззубик. БЕЗЗУБИК Самый Лучший. Но мы должны быть с ним вежливы.

Беззубик: Агась, агась. Б'бе-беззубик бу то-олст манинирлиш. Конечно, конечно. Беззубик будет ОЧЕНЬ вежлив.

Пауза

Беззубик Мухрюнделю:

Мух-хрюн, пж'а-а-а-лст, тву ваче ак'ко хрю-ням'м нуи исч'чо туп-тупч'чи услиз'зни.

Мухрюндель, пожалуйста, ты выглядишь как свинья и ты глупее улитки.

Вы: Б'бе-беззубик!

Беззубик!

Беззубик (жалобно): Ба Б'бе-беззубик грюксы пж'а-а-а-лст!

Но Беззубик же сказал «пожалуйста»!

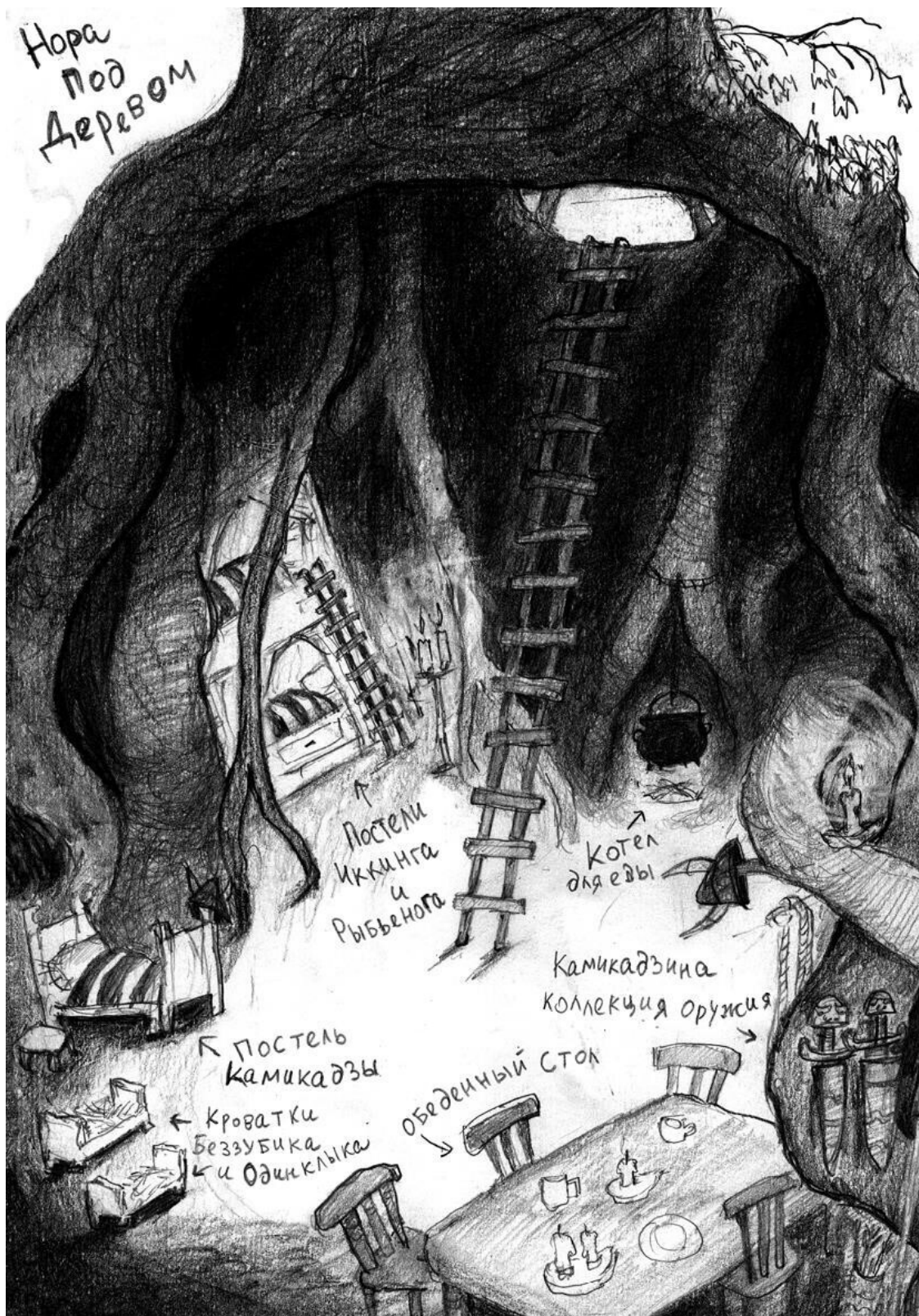
Снова пауза.

Беззубик: **Мух-хрюн, тву хоч'чи рас-двас-перепрякс? Тву прык-прык ховайсы с муси-пуся мегаого-гоксс мокрзеленкр'в нуи думнямч'чи, а мну ать-ать до туч'а нуваще нуи шарк-шарк тву вынюх-нюх.**

Мухрюндель, хочешь поиграть в прятки? Ты спрячешься там снаружи и поиграешь с милым моредракончиком и мозгоедами, а я сосчитаю до ста миллионов и пойду тебя искать...

Мухрюндель (весело виляя хвостом):

Гав! Гав!

6. Другая сторона истории

– Солнцеворот через три дня, – сказал Сморкала. – Время у вас на исходе. Наверное, вы договорились с Валгалларамой так: она выкрадет у Элвина девять Утраченных Сокровищ, потом вы встретитесь на Поющих Песках в Канун Солнцеворота, и она передаст их вам.

– Очень умная догадка, Сморкала, – тихо ответил Иккинг. – Мама велела нам только сидеть в укрытии и встретиться с ней в Канун Солнцеворота.

– Ну так вот, – продолжал Сморкала, – подземное убежище Элвина спрятано в таком хитром и тайном месте, что Стоику с Валгалларамой его ни за что не найти, хоть сто лет ищи. Поэтому твоей матери и ее воинам не удалось выполнить Геройскую Задачу и выкрасть остальные Утраченные Сокровища.

Последовала краткая унылая пауза.

– С чего нам тебе верить, Сморкала? – насупился Рыбьенег. – Ты мог и соврать. Может, девять Сокровищ уже у Валгалларамы, а тебя подслала ведьма. Если ты перешел на нашу сторону, почему у тебя нет Печати Дракона?

– Иккинг не единственный, кто пользуется головой, знаешь ли, Рыбьенег, – ответил Сморкала. – Я думал, что больше пригожусь воинству Драконьей Печати, если притворюсь, будто работаю на другую сторону.

Буримуха коротко и неохотно зашипела в знак одобрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.